„Россия" гор. Петроград
1901 г. 25 сентября.

ЗА ДЕНЬ.

Замѣстительницы.

Франко-русская пьеса изъ молочнаго быта

ДѢЙСТВІЕ I.

Сцена Александринскаго театра.

Г. Гнѣдичъ (*суетясь*). Господа! Главное дѣло, главное дѣло,—чтобъ все было совсѣмъ, совсѣмъ по парижски! Франко-русскія отношенія... Только-что телеграмму французскимъ актерамъ отправляли... Чтобъ все было совсѣмъ, совсѣмъ по парижски! Я со своей стороны кое-какія мѣры ужъ принялъ. (*Хитро прищуривая глазъ*). Маляръ тутъ есть одинъ. Преталантливый, знаете! Такъ я ему гостиную заказалъ. Стиль модернъ этакій, понимаете! Готова декорація-то?

Маляръ.—Да ужъ такъ готова, что лучше нельзя. По красному полю зеленый пукетъ! Ни одному декаденту не снилось!

Г. Гнѣдичъ (*въ восторгѣ*). — Здорово! Французъ! (*Къ актрисамъ*). Ну, васъ, mesdames, учить нечего! Вы и такъ нафранцузите! Парижанки форменныя. Я думаю, ужъ у васъ, — хе-хе! — приготовлено!

1-я актриса (*успокоительнымъ тономъ*).—Шляпа вотъ! (*Показываетъ руками*).

Г. Гнѣдичъ (*прищелкивая языкомъ*).—Въ Парижѣ такихъ нѣтъ! Ей-Богу!

1-я актриса (*язвительно*). — А у васъ, душечка, какая шляпа?

2-я актриса (*колко*).—А я, душечка, показать не могу!

1-я актриса.—Почему же?

2-я актриса. — А потому что, какъ только покажу руками, какой величины шляпа, сейчасъ у меня рукава на корсажѣ и лопаются!

1-я актриса (*съѣдаетъ ее глазами отъ зависти. Томно и лишаясь чувствъ*).—Спирту!

Г. Гнѣдичъ (*въ сторону, потирая руки*). — Конкуренція пошла! Дѣло въ шляпѣ. (*Къ г-жѣ Гуріелли*). — Ну, и вы, г-жа Гуріелли, въ качествѣ гостьи...

Г-жа Гуріелли (*надувая губки*).—Медея и вдругъ въ гостяхъ! Стоило на образцовую сцену въ гости идти! (*Небрежно*). Постараюсь быть еще очаровательнѣе!

3-я актриса (*четвертой*). — Душечка, а я французскую штучку выдумала!

4-я актриса.—Ахъ, шерочка, я горю! Что такое?

3-я актриса (*захлебываясь и тихо*). —Шляпа у меня вотъ! Я возьму да передъ ней и сяду! Пусть за моей-то шляпой ее увидятъ!

4-я актриса. — Ангелочекъ, это геніально!

Г. Гнѣдичъ. — Ну-съ, съ вами, Марья Гавриловна, разговоръ короткъ! Вы, вѣроятно, ужъ какую-нибудь этакую французскую игру выдумали?

Г-жа Савина. — Я въ послѣднемъ актѣ юбку на сценѣ перемѣняю.

Г. Гнѣдичъ (*всплескивая руками*).—Скажите!!!

Г-жа Савина.—Никогда этого при публикѣ не дѣлала, но разъ французская пьеса—сдѣлаю! (*Съ убѣжденіемъ*). Разъ французская пьеса,—необходимо при публикѣ юбку мѣнять!

Г. Гнѣдичъ (*захлебываясь*).— Реализмъ! Ручку, досточтимая! Реализмъ-съ! Въ «Исторію искусствъ» запишу! (*Смотритъ на г. Варламова съ сомнѣніемъ*).

Г. Варламовъ.—Вы чего-жъ это на меня смотрите? (*Оглядывая себя*). Кажется, человѣкъ въ полномъ порядкѣ! И смотрѣть не на что!

Г. Гнѣдичъ (*осторожно*).—Боюсь, досточтимый, какъ бы вы намъ насчетъ француза... (*Отводя его въ сторону*). Между нами говоря, досточтимый,—ну, какой же вы французъ?

Г. Варламовъ (*громко*).—Что? Я не французъ? Да я фуфайку надѣну,—вотъ какой я французъ!

Г. Гнѣдичъ.—Говорю, что фуфайку!

Г. Варламовъ.—Мнѣ, батюшка, доподлинно извѣстно, въ чемъ они ходятъ! Надѣнутъ фуфайку,—и французъ! Надѣнутъ ночной колпакъ,—и нѣмецъ. Дѣло нетрудное. Господи Боже мой! Кого я только въ своей жизни не игралъ! Англичанъ игралъ, нѣмцевъ игралъ, швейцарцовъ,—и тѣхъ игралъ. Русскаго купца игралъ!!! И вдругъ я французинку сухонараго какого-нибудь не сыграю?! Извините, батюшка, это оскорбительно даже слушать. Да я заслуженный артистъ!

Г. Гнѣдичъ.—Извините! Я не зналъ, что въ фуфайкѣ... Ежели въ фуфайкѣ,—конечно, да! Это тонкая черта, тонкая! (*Глубокомысленно*).Французы,—вы правы!—они дѣйствительно фуфайки носятъ. Носятъ! Объ этомъ даже у Дрэпера въ «Исторіи цивилизаціи Европы» сказано. Ну, да! Конечно, сказано! Страница 347, одиннадцатая строка сверху, — отлично помню!

Г. Варламовъ. — Фуфаечная нація,—одно слово!

Г. Гнѣдичъ. — Дайте г. Варламову роль!

Г. Варламовъ (*обиженно*). — Да мнѣ и роли никакой не нужно! Меня и безъ роли, слава Тебѣ, Господи, публика знаетъ. Вышелъ, стукнулъ кулакомъ по столу: «Чаво тебѣ?»—вотъ тебѣ и французъ!

Г. Гнѣдичъ.— Гдѣ г-жа Стравинская?

Младшій помощникъ старшаго помощника шестого реквизитора.—Г-жа Стравинская на Марсовомъ полѣ на велосипедѣ репетируетъ. А то начала-было репетировать на сценѣ,—восемь чиновниковъ задавила!

Г. Гнѣдичъ.—Ну, и пускай! Начнемъ пока безъ нея! (*На улицѣ шумъ, гамъ, крики, вой, городовые свистятъ, конки звонятъ, собаки лаютъ, мальчишки кричатъ*).

Голоса съ улицы.—У-лю-лю! Держи его! Лови! Держи! У-лю-лю!

Вся труппа (*въ испугѣ*).—Что такое? Что случилось?!

Сторожъ.—Г. Долиновъ пріѣхалъ!

Г. Долиновъ (*влетаетъ. На немъ: стальной сверкающій цилиндръ съ молніями, сюртукъ гороховый, жилетъ золотой, одна панталона синяя, другая красная, одна ботинка зеленая, другая оранжевая, одинъ чулокъ полосками, другой клѣтками, каблуки на половину бѣлые, на половину розовые. Моментально подбрасываетъ цилиндръ на ногу, становится на голову, перевертывается три раза и щелкаетъ ногами*).—Банжуръ!

Г. Гнѣдичъ.—Что случилось?

Г. Долиновъ.—Послѣдняя парижская мода! (*Становится на ноги, цилиндръ самъ вскакиваетъ ему на голову и сверкаетъ*). Костюмъ—прямо изъ Парижа! Съ нордъ-экспрессомъ! Отъ шести портныхъ. И всѣ первые!

Г. Ридаль (*плачетъ*). — Господи! Господи!

Г. Долиновъ.—Кромѣ того, булавка съ проведеннымъ электрическимъ освѣщеніемъ. (*Нажимаетъ пружинку, булавка кидаетъ снопъ электрическаго свѣта*). Какъ съ броненосца! (*Поочередно освѣщаетъ всѣхъ присутствующихъ*). Запонки—оркестръ, съ музыкой! (*Нажимаетъ пружину, всѣ запонки играютъ маршъ торреадора*).

Г. Ридаль (*плачетъ*).—Господи! Господи! Хоть бы одну такую запонку!

Г. Гнѣдичъ (*съ опаскою*). — Голубушка, неужели, дѣйствительно, въ Парижѣ до этого?

Г Долиновъ (*свысока*). — Въ лучшемъ обществѣ? Не иначе! Парижьенъ пюръ сапъ! Я, надо вамъ сказать, въ душѣ большой парижанинъ. (*Меланхолически*). Хотя тѣло мое родилось въ Одессѣ,—но сердце мое принадлежитъ городу Парижу. Это чистая случайность, что я родился въ Россіи. Чистая случайность! На которую даже не стоитъ обращать вниманія. Я даже во снѣ говорю по французски! (*Всѣ въ изумленіи*). Какъ же! На дняхъ еще! Заснулъ и брежу: «монъ перъ э бонъ, ке нанъ этъ осси боннь». Всѣ слышали! Фактъ! (*Изъ кармана у него вдругъ выскакиваетъ кукушка и кричитъ: «ку-ку». Въ то же время часы въ карманѣ начинаютъ играть шансонетку. Возгорается самодѣйствующая спичечница, и изъ жилетнаго кармана, къ общему восторгу, летитъ небольшой фейерверкъ*).

Г. Долиновъ. — Значитъ два часа. Пора начинать! (*Беретъ стулъ, перебрасываетъ его себѣ черезъ голову, моментально садится на спинку и кладетъ нога на ногу*). Графиня, что-жъ изъ этого?

Г. Гнѣдичъ (*смотрѣлъ на него все время съ восторгомъ*).—Чисто Comédie Française! Убей Богъ мою душу!

Г. Ридаль (*въ слезахъ подходя къ г. Долинову*).—Нельзя ли меня поставить такъ, по парижски, вверхъ ногами! Для урока! Хоть на минутку!

Г. Долиновъ (*высокомѣрно*). — Этому, мой милый, выучиться нельзя! Съ этимъ надо родиться!

Г. Ридаль (*съ благоговѣніемъ*).— Ужели вы такъ и родились, вверхъ ногами?! (*Смотритъ на него съ завистью*).

Г. Гнѣдичъ.—Ну, господа! Начнемъ? Но въ пьесѣ тутъ встрѣчается довольно трудное слово. «Monsieur». Такъ давайте, господа, условимся, какъ намъ произносить это слово. Чтобъ былъ ансамбль!

Вторые актеры. — Вычеркнуть бы это слово, ну, его къ чорту! Вѣдь, не Шекспиръ!

Г. Долиновъ (*на лицѣ у него разсужденіе*). По моему, шикарнѣе всего будетъ: мусье!

Дама.—Ахъ, нѣтъ! Такъ, небрежно: «мсье!»

Г. Варламовъ.—А по моему просто: «Монсіеуръ». Какъ сами французы пишутъ,—такъ и говорить!

Г. Гнѣдичъ.—Да не говорятъ такъ!

Г. Варламовъ (*обиженно*). А они зачѣмъ пишутъ? Не пиши, чего не надо! Сами виноваты. Намъ что за дѣло? Намъ главное — публика. Пусть публика скажетъ: вотъ, молъ, по-французски у насъ чешутъ! Говорятъ, какъ пишутъ!

Г. Гнѣдичъ.—Ну, монсіеуръ, такъ монсіеуръ! Монсіеуры и месдамесы, начнемъ репетицію!

ДѢЙСТВІЕ II.

Сцена изображаетъ деревню близъ Парижа. При поднятіи занавѣса на суфлерской будкѣ сидитъ кошка и ѣстъ младенца. Кругомъ не воздѣланныя поля. Бѣгаютъ поселянки. Всѣ въ интересномъ положеніи.

Поселянка лѣтъ пятнадцати (*подпрыгивая, бѣжитъ черезъ сцену*). Я съ начинкой! Я съ начинкой! Я съ начинкой!

Поселянка лѣтъ двѣнадцати (*приплясывая*). — Молока! Молока! Молока!

1-я поселянка.—Давай взапуски! Кто скорѣй родитъ?

2-я поселянка.—Я въ январѣ!

1-я поселянка.—А я въ декабрѣ! Что взяла!

2-я поселянка.—А тебѣ въ декабрѣ не успѣть!

1-я поселянка. — Анъ успѣю! Только чтобъ безъ мошенничества!

2-я поселянка.—Идетъ! Кто скорѣе.

Поселяне (*проходя, пьяные*).— Тотализаторъ бы устроить!

(*Кошка тѣмъ временемъ съѣла уже ребенка, уходитъ и тащитъ изъ-за кулисъ за ножку сѣжаго ребенка. Входятъ докторъ Ришонъ и парижскія дамы*).

Дамы.—А что же совсѣмъ не видно здѣшнихъ крестьянъ?

Докторъ Ришонъ (*его играетъ г. Далматовъ. Какъ хорошій старый сыръ: со слезой*).—Здѣшніе крестьяне, сударыни, занимаются тѣмъ, что приготовляютъ кормилицъ! (*Замѣтивъ кошку, отнимаетъ у нея ребенка. Кошка не даетъ*). Брысь ты, окаянная! (*Поднимаетъ ребенка*). Половину съѣла! А? Ну, куда онъ теперь годится! Что это будетъ за человѣкъ?! (*Бросаетъ ребенка*). А все вы, сударыни! Вотъ во что обходятся странѣ ваши красивые бюсты.

Дамы (*потупляя глаза*).—Merçi!

(*По сценѣ проходитъ актеръ съ перевязанной головой*).

Дамы (*въ ужасѣ*).—Ахъ, какой страшный!

Докторъ Ришонъ (*торжественно*). —Кошка ему въ дѣтствѣ отъѣла носъ! Такъ онъ и ходитъ! Въ то время, какъ вы берете этихъ дочерей народа, чтобъ кормить вашихъ дѣтей,—ихъ собственныя дѣти остаются безъ присмотра! Ихъ ѣдятъ кошки! Смотрите, сколько косточекъ кругомъ! Вотъ ребрышко маленькаго Жана,—его обглодала кошка. Вотъ мостолыжка маленькаго Пьера,—еще вчера я видѣлъ, какъ имъ лакомилась собака. А Жакъ, который не можетъ работать, потому-что свинья въ дѣтствѣ объѣла ему обѣ руки. Онъ не можетъ ходить,—потому-что другая свинья объѣла ему въ дѣтствѣ обѣ ноги! (*Плачетъ*).

Дамы (*тронутыя*).—Ахъ, бѣдный! Онъ бы чѣмъ-нибудь помазалъ,—можетъ быть, и выростетъ.

Докторъ Ришонъ (*поднявъ палецъ вверхъ, значительно*). Никакая мазь, сударыня, не можетъ замѣнить родной матери! (*Всѣ поражены*).

Дама въ ложѣ (*вскакивая*).—Ай, батюшки! Поѣду посмотрѣть: ужъ не съѣлъ-ли попугай у меня сына!

Господинъ во 2-мъ ряду (*встаетъ взволнованный*).

Сосѣдъ.—Вы куда?

Господинъ.—Пойду самъ кормить своего сына!

Сосѣдъ.—Вы?

Господинъ.—И меня тронуло!

Дамы на сценѣ.—Но вѣдь это ужасно, докторъ, ужасно, что вы говорите! Эти кошки! Нельзя-ли принять какихъ-нибудь мѣръ? Истребить этихъ противныхъ кошекъ!

Докторъ Ришонъ (*воздѣвъ руки къ небу*). Истребить кошекъ! Кошекъ истребить! (*Съ сарказмомъ*). Вы, сударыня, не мать,—вы гласный Смирновъ изъ петербургской думы! Матерей надо истребить, а не кошекъ!

(*Всѣ въ ужасѣ, занавѣсъ падаетъ*).

ДѢЙСТВІЕ III.

Второе представленіе той же пьесы.

Дама просто пріятная.—Здравствуйте, душечка!

Дама пріятная во всѣхъ отношеніяхъ.—Здравствуйте, милочка! (*Цѣлуются*).

— Naturellement, вы съ ребенкомъ!

— Ахъ, шерочка, съ тѣхъ поръ, какъ поставили эту пьесу, всѣ дамы въ театръ иначе какъ съ дѣтьми не ходятъ. Это теперь очень принято.

Капельдинеръ.—Младенчика извольте въ гардеробѣ оставить, или съ собой возьмете?

Господинъ (*подумавъ*). Нѣтъ, вотъ что! Отнесите-ка младенца въ буфетъ, да велите дать ему, подлецу, коньку. Онъ съ коньяку хорошо спитъ. Пусть заснетъ, подлецъ, пока я посмотрю!

2-й капельдинеръ. — Въ третью ложу молока требуютъ. Налейте въ бинокль молока. Живо!

Отчаянный дамскій голосъ.— Что-жъ это такое? Мнѣ калоши и ребенка перемѣнили!

3-й капельдинеръ. — А вашъ ребенокъ съ какими буквами былъ?

Господинъ въ первомъ ряду (*сосѣду*).—Вы мнѣ позволите ребенка въ вашу шляпу положить?

Сосѣдъ.—Положите лучше на барьеръ.

Господинъ. — Боюсь, свалится. Я вотъ что. Я его вотъ въ эту большую мѣдную трубу воткну, въ оркестрѣ. Пусть поторчитъ, пока не играютъ.

Голосъ на галеркѣ.—На рабенка сѣлъ. Ирод!

Публика.—Тссъ...

(*Спектакль начинается. Въ залѣ слышно чмоканье. Дамы кормятъ и смотрятъ. Младенцы насыщаются и засыпаютъ*).

Дама (*тихо*).—Вашъ заснулъ?

Сосѣдка.—Заснулъ!

Дама. — А у моего животикъ. Я его кверху ножками держу, чтобъ не кричалъ. У него головка затекаетъ, онъ и молчитъ.

Сосѣдка.—Ангельчикъ!

(*Такъ проходитъ до финала третьяго акта, гдѣ г-жа Савина и г. Ходотовъ начинаютъ пѣть колыбельную пѣсню. Младенцы просыпаются и начинаютъ въ ужасѣ кричать*).

Младенцы.—А-а-а-а-а!..

Г-жа Савина, выходя на крики (*г. Ходотову тихо*).—Это намъ! (*Кланяются младенцамъ*).

Занавѣсъ.

В. Дорошевичъ.